

КУРАТОРСТВО РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОЕКТОВ ВО ВРЕМЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Виталий Лехциер

*Виталий Лехциер, социологический факультет, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия.
lekhtsiervitaly@mail.ru.*

Эссе посвящено кураторам русскоязычных литературных проектов (редакторам, организаторам акций, издателям актуальной литературы, создателям форматов литературной учебы), реализующихся во время военных действий. Текст основан на эмпирическом качественном исследовании точек зрения и мотивов литературных кураторов, находящихся как в России, так и за ее пределами. Среди последних – литературные кураторы, давно живущие за рубежом или эмигрировавшие из России за последние полтора года. В эссе исследуются причины закрытия или приостановки кураторами своих литературных проектов в России и мотивы создания новых проектов или продолжения старых. В тексте выявляются точки зрения литературных кураторов на возможные и реальные цели русскоязычных литературных проектов во время войны. Автор обращает внимание на специфику кураторских позиций и действий в зависимости от локации проекта (в России, за ее пределами, в столичных или региональных российских городах), а также возраст куратора. Кроме того, исследование выявляет спектр мнений литературных кураторов по поводу громких дискуссионных проблем, связанных с судьбой русскоязычных литературных проектов во время войны: отношение к сотрудничеству с государственными культурными институциями, практике фильтрации участников проектов в зависимости от политической позиции, отношение к тезису об ответственности русского языка и литературы за военную агрессию и отношение к раздающемуся в адрес русскоязычных литературных проектов требованию прекратить работу, замолчать. В целом исследование показало, что кураторы трактуют сегодняшнее положение русской актуальной литературы как «новый андеграунд» и видят свою задачу в психологической и профессиональной помощи автору, политизации проектов, а также в документировании новой литературной эмигрантской среды.

Ключевые слова: куратор в литературе; литературные проекты; актуальная русская литература; цели литературного кураторства; литературное сообщество

ВВЕДЕНИЕ

Современный литературный процесс, распределение ролей в институте литературы (Дубин и Гудков 2020) предполагают фигуру куратора. Однако, несмотря на то, что в самой литературе действуют кураторы и реализуются различные типы кури-

рования литературных событий, исследовательское внимание к их работе пока отсутствует, а фигура куратора по-прежнему осмысляется исключительно в контексте современного искусства, в котором она и приобрела свои институциональные черты (Гройс 2012; Мизиано 2021; Roberts 2009/2010; O'Neill 2012; Rubantseva and Hoffmann 2020). Есть попытки осмыслить кураторство как более широкий принцип, реализующийся в разнообразной деятельности в период переизбытка/перепроизводства всего в странах первого мира (Баскар 2017), но именно по отношению к литературе этот термин у исследователей пока не фигурирует.

Еще раз подчеркну, что, пока мировая социальная наука только присматривается к литературному кураторству, на практике это понятие работает довольно активно (Basinski et al. 2014; «Deep Curation» 2020; Caballero 2022). Им пользуются организаторы разнообразных по форме литературных чтений, создатели форматов литературной учебы (например, курсов по креативному письму), новых издательских серий (особенно поэтических), редакторы, самостоятельно или, чаще всего, в команде учреждающие новые литературные офлайн- и онлайн-журналы. Незрелость как отрасли социологии литературы в России еще сильнее осложняет проблему. Единичные исследования по социологии актуального литературного процесса сосредотачиваются в основном на проблемах литературных сообществ, сегментации поэтического поля (Вежлян 2020) или на тех или иных аспектах литературы как института, но только не на тех акторах, которые в том или ином виде организуют сегодня литературный процесс. Между тем примерно в последние двадцать лет фигура куратора в российском литературном процессе приобрела серьезный вес. Кураторство стало практикой изобретений литературных активностей (например, многообразные форматы публичных чтений, практикуемые с 2014 года проектом «Культурная инициатива» на различных площадках Москвы, или масштабные международные проекты типа «Биеннале поэтов в Москве»). Можно назвать примеры немосковских независимых кураторских проектов, осуществляемых как офлайн, так и – особенно в период пандемии – онлайн: например, фестиваль и чтения в рамках Премии Аркадия Драгомощенко (Санкт-Петербург, 2014–2021 годы), семинары и международный фестиваль «Поэтическая Логоцентрика» в Самаре (2013–2021 годы), международный поэтический фестиваль «In-Версия» в Челябинске (2016–2020 годы).

У нас нет полномочий и оснований критически отнестись к самоназванию «куратор», которое использует тот или иной агент литературного поля. Более того, когда литератор называет себя куратором или кураторкой (а, как правило, эта роль носит дополнительный характер, ее берет на себя тот или иной действующий автор, писатель, издатель или литературный критик), то фактически в этом понятии звучат те же смыслы, которые свойственны кураторству в современном искусстве, как его описывают теоретики и практики этого явления (O'Neill 2012).

Во время пандемии коронавируса литературные проекты не остановились, но перешли в интернет, кураторами была наработана соответствующая практика, которая используется и сегодня, поскольку она делает возможным участие в конкретном мероприятии литераторов из разных городов и стран. Данное обстоятельство имеет особенное значение для авторов из регионов, поскольку

культурное пространство в России организовано по принципу «внутренней колонизации» (Эткинд [2014] 2023), жесткой централизации и, соответственно, неравного доступа ко всем литературным институциям (признания, учебы, издания и пр.) авторов из Москвы и Санкт-Петербурга, с одной стороны, и регионов, с другой: в регионах нет независимых издательств, выпускающих современную литературу, нет литинститутов и других форматов литературной учебы и нет механизмов признания, хоть сколько-нибудь сопоставимых с центральными. Отчасти исключением из этого правила являлась Самара, где с 2013 по 2020 год издавались поэтические сборники актуальных российских и иностранных авторов, а также Екатеринбург, где работает российское издательство «Кабинетный ученый», до войны издававшее, в частности, поэтическую книжную серию «INверсия», и где на базе Свердловской областной библиотеки им. В. Г. Белинского в 2019 году учреждена всероссийская премия (и, соответственно, проводится конкурс) для литературных критиков «Неистовый Виссарион».

Война привнесла в литературное кураторство в России (и не только в России, но в практики кураторства русскоязычных литературных проектов в целом) новые, прежде всего этические, политические и профессиональные проблемы. Позволяют ли себе русские кураторы организовывать новые литературные события, проекты во время ежедневных бомбежек и смертей? В общественном поле, в основном в соцсетях и пабликах, периодически возникают новые раунды дискуссии о том, насколько такие литературные события сегодня уместны. Многие независимые русские кураторы свернули свои журнальные или издательские проекты, отказались от организации литсобытий в России. Другие – не отказались. В любом случае независимый литературный процесс на какое-то время, особенно в течение 2022 года (после 24 февраля), почти замер, так что у некоторых его представителей возникло ощущение, высказываемое довольно активно в соцсетях, что «все закончилось».

Периодически случаются громкие кейсы отмены¹. Как, например, кейс с отменой презентации израильской русскоязычной писательницы и редактора Линор Горалик своего интернет-проекта ROAR (Resistance and Opposition Arts Review)² 8 мая 2023 года в Эстонии в рамках международного ежегодного литературного фестиваля «Prima Vista». Куратор русскоязычной программы фестиваля Ольга Эйнасто просто убрала из программы выступление Горалик (в день старта фестиваля и прилета израильской писательницы в Эстонию). Это произошло после выступления против презентации ROAR двух украинских поэтесс, Олены Гуссейновой и Анны Грувер, посчитавших невозможным обсуждение на фестивале русскоязычной литературы, пусть даже оппозиционной, во время войны.

Независимые кураторы русскоязычных литературных проектов встали перед серьезным этическим и профессиональным выбором: продолжать или не продол-

¹ Я предпочитаю в данном случае употреблять не широко известный термин «культура отмены» (cancel culture), а термин «кейсы отмены», поскольку рядом со случаями подобной отмены мы видим кейсы международного сотрудничества, включающего сотрудничество российских и украинских авторов, профессиональное общение поверх границ и разделений.

² <https://roar-review.com/About-ROAR-a00d35f461bd4bd48f2d0d1502b0e93e>.

жать свою деятельность во время войны в качестве кураторов. Достойны ли новые литературные произведения на русском языке и их авторы того, чтобы привлекать к ним внимание в то время, как в общественном поле звучит точка зрения, что такие проекты должны замолчать, уступив свое место голосам жертв из Украины? Это ключевая проблема статьи.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическими работами, на которые опирается данное исследование, являются исследования по социологии литературы Бориса Дубина и Льва Гудкова (2020), книга Говарда Беккера по социологии искусства «Art Worlds» (Becker 1982), некоторые арт-критические работы о кураторстве, в частности, масштабная книга Виктора Мизиано «Пять лекций о кураторстве» (2021), а также литературоведческие и поэтологические работы, в которых вводятся понятия актуальной литературы и актуальной поэзии.

Гудков и Дубин посвящают свои исследования институциональному измерению литературы, предлагают взгляд на литературу как совокупность функционала, присущего различным ролевым позициям в литературном поле: от писателя и читателя до работника библиотеки. Институциональный, объективистский, системный подход Дубина и Гудкова, выраженный в их книге, послужил основанием для их собственных количественных эмпирических исследований. Однако мы можем в самом общем виде опираться на их книгу «Литература как социальный институт» и проводить «субъективистские» качественные исследования, поскольку она дает возможность фиксировать внимание на определенной социальной роли в институте литературы, новом и специфическом ее функционале – кураторской деятельности. У Гудкова и Дубина среди выделяемых ими ролей в институте литературы роль литературного куратора отсутствует – и в первом изданном сборнике (1994 г.), и в его переиздании (2020 г.). Видимо, причинами этого являются и то, что до 1990-х годов (большая часть статей сборника написана до этого времени) подобное самообозначение было еще очень редким среди литераторов, и то, что статьи сборника ориентированы на классические «старые» институты литературы: толстые журналы³ в том виде, в каком они сложились в советское время. Однако 1990-е и все последующие десятилетия породили новую мощную волну институционализации в литературном поле, появление многочисленных журнальных, в том числе в формате онлайн, литературных проектов и ресурсов, актуальных издательских серий, фестивалей и других форм литературных активностей. Создатели этих проектов начали осмыслять себя в качестве кураторов, выполняющих не только стандартную функцию отбора, но и функцию фактических организаторов литературного процесса.

³ Толстый литературный журнал в России ведет свою историю с XVIII века. Однако термин «толстяки» возник в период наибольшей востребованности литературных журналов – в 60-е годы XX века. Литературу, которую публиковали и публикуют в «толстяках», называют соответственно «толстожурнальной».

В качестве продуктивной альтернативы функционализму Гудкова и Дубина приведем работу Беккера «Art Worlds» (Becker 1982). Эта работа тем более значима для нашего исследования, что описывает миры искусства как основанные на художественных конвенциях и – в то же время – предполагающие атаки на конвенции, включая пересмотр всей стоящей за ними эстетики и системы статусов. Новая, актуальная литература, одному из аспектов которой посвящено данное эссе, в отличие от литературы «старых» институтов (в частности, толстых журналов) существует в мире постконвенциональном, когда любая художественная конвенция (например, касающаяся формы произведения) заранее находится под подозрением. Поэтому, как пишет Беккер, «мы можем понимать любую работу как продукт выбора между традиционной легкостью и успехом и нетрадиционной трудностью и отсутствием признания, и искать опыт, ситуационные и структурные элементы, которые располагают художников в том или ином направлении» (Becker [1974] 2004:92). Общие взгляды в отношении состояния литературных конвенций обеспечивают легкую и эффективную координацию деятельности авторов и кураторов.

Беккер предлагает интеракционистский взгляд на любую деятельность в мире искусства. Для него любое искусство основано на разделении необходимого труда и коллективном действии. Существуют специализированные профессиональные группы, которые берут на себя выполнение действий, необходимых для создания и предъявления произведения искусства, их члены склонны развивать специализированные карьерные интересы, которые сами по себе отличаются от интересов автора. При этом, как отмечает Беккер, «отношения сотрудничества и ограничения пронизывают весь процесс художественного творчества» (Becker [1974] 2004:89). Мы видим это на примере объекта нашего исследования: литературные кураторы работают командами, сотрудничают с авторами и могут ограничивать их участие в своих проектах (например, по политическим мотивам).

Третьим теоретическим источником нашего исследования является работа куратора Виктора Мизиано «Пять лекций о кураторстве». В ней прописаны те черты кураторства, которые полностью релевантны нашему объекту. Так, Мизиано, говоря о «кураторском повороте» в современном искусстве, подчеркивает принципиальное различие не только между куратором и хранителем, но и между куратором и арт-менеджером («культур-бюрократом»), отмечает тот факт, что «именно куратор отвечает за легитимацию некоего явления как факта искусства, именно он несет экспертную ответственность за выбор» (2021:87). Труд куратора носит, согласно Мизиано, публичный, проектный, политический, авторский и демистифицирующий (эмансипаторный) по отношению к культурным институциям характер. Кураторский проект, пишет Мизиано, «оборачивается созданием сообщества», это «опыт совместного проживания», «порождение новых форм жизни» (71). Все перечисленное в полной мере присутствует и в литературном кураторстве, но чаще всего лишь на уровне самих практик кураторства, так что декларирование необходимости соответствующей теоретической рефлексии осуществляется литературными кураторами весьма редко.

Для исследования принципиально важно понятие «актуальная литература», собирающее одновременно два значения: 1) литература, которая создается сейчас (в настоящем времени), 2) литература инновационная, сложная, наследующая традиции русской неподцензурной литературы (Кукулин 2019) и находящаяся в диалоге с мировым модерном (Кузьмин 2009; «Что такое актуальная поэзия?» 2019). Поле актуальной литературы на русском языке за последние годы очерчено, например, такими профессиональными журналами и связанными с ними книжными сериями, как журнал поэзии «Воздух» (в настоящий момент издание приостановлено), «Новое литературное обозрение», «Волга», онлайн-журнал «Цирк Олимп+TV» (издание закрыто), онлайн-журнал «Артикуляция», премиями Андрея Белого, Аркадия Драгомощенко (прекратила свою работу), «Поэзия» (прекратила свою работу) и тому подобное.

ДИЗАЙН ИССЛЕДОВАНИЯ

Предметом исследования является деятельность кураторов русскоязычных литературных проектов в первый год после начала военных действий в Украине в 2022 году.

Основной исследовательский вопрос эссе касается того, как в условиях военных действий кураторы формируют мотивы, цели и позиции в отношении своих проектов и резонансных проектов коллег. Также выделен ряд подвопросов:

- выяснение мотивов закрытия/приостановки русскоязычных литературных проектов во время войны;
- выявление мотивов возобновления или создания новых русскоязычных литературных проектов во время войны;
- выявление типологии возможных и реальных целей кураторства русскоязычных литературных проектов в этот период;
- выявление взглядов кураторов на несколько дискуссионных проблем, связанных с русскоязычными литературными проектами, в указанный период.

Говоря о последнем, мы имеем в виду, в частности, такие проблемы, как возможность сотрудничества с государственными культурными институциями, фильтрация участников проектов в зависимости от их позиции по отношению к войне, отношение кураторов к ответственности русской литературы и русского языка за агрессию и, наконец, отношение кураторов к позиции, согласно которой русскоязычные литературные проекты должны замолчать, уступив место голосам из Украины.

Объектом настоящего исследования являются независимые кураторы русскоязычных литературных проектов, проживающие как в России, так и за ее пределами. Среди последних опрошены как те, кто эмигрировал в последние полтора года, так и те, кто живет в эмиграции давно. К исследованию привлечены кураторы различного возраста. Под понятием кураторства в эссе понимается многообразная деятельность: редактор журнала, издатель и редактор актуальной книжной серии, организатор литературных событий (например, поэтических чтений), создатель и ведущий литературных курсов.

Подчеркнем, что опрошены только независимые кураторы, осуществляющие свою активность за пределами государственных культурных институций. Такое ограничение связано с тем, что именно деятельность таких кураторов наследует традиции русской неподцензурной литературы, упомянутой выше, способна генерировать новые смыслы, не имеющие отношения к государственной пропаганде, госзаданию вообще, каким бы оно ни было в период войны. Все опрошенные разделяют антивоенную позицию. Эта характеристика объекта также важна, потому что противоположный сегмент литературы – z-сегмент, активно развивающийся ныне – тоже имеет своих литературных кураторов, но преследующих цели, совпадающие с государственными.

Для решения поставленных задач автором эссе были проведены качественные полуструктурированные интервью с 11 активными кураторами. Девять интервью было взято онлайн (на платформе Zoom). Два интервью – письменных, ответы получены по электронной почте. Одно интервью было групповым – сразу с двумя кураторами, каждый из которых мог высказать свою точку зрения. Кроме того, для решения исследовательских задач привлекались документы, находящиеся в публичном доступе, в интернете, что расширило корпус исследуемых материалов⁴.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

«СПЕРВА – ШОК, ПОТОМ ГЛУБОКОЕ ОТЧАЯНИЕ. ОНЕМЕНИЕ. ПОТОМ ВЕРНУЛАСЬ РЕЧЬ, РУССКАЯ РЕЧЬ»⁵

Анализ мотивов закрытия/приостановки русскоязычных литературных проектов во время войны выявил, что 2022 год был для кураторов годом шока и невозможности что-либо делать в литературе, даже писать свои собственные тексты, не говоря уже о проектах. Большинство опрошенных отметили, что «война просто поставила крест на всем, что мы делали, обесценила. Мы больше не видели смысла» (Ю., ж., 42 года, редактор, издатель, Рига). Даже если у кураторов не было мысли закрыть проект, работать было трудно: «Не было сил этим заниматься. Сидишь и читаешь ленты новостей, естественно тебе не до литературы» (А., ж., 53 года, редактор, Москва).

Интересно, что в тех случаях, когда проект вели несколько человек (а это стандартная для литературного кураторства ситуация), могла возникнуть дополнительная причина для закрытия проекта – взаимное непонимание внутри кура-

⁴ Например, использовалась видеозапись презентации Линор Горалик международного литературного проекта ROAR (Resistance and Opposition Arts Review, «Вестник оппозиционной и антивоенной культуры»), представленного в Сети 12 мая 2023 года; подкаст Елены Фанайловой «Вавилон-Москва», выпущенный 27 мая 2023 года и посвященный этой презентации: https://youtu.be/s7-gGJdaBio?si=aU1s6mp65P_kBDoz.

⁵ Примечание редактора: здесь и далее в качестве некоторых подзаголовков использованы цитаты из интервью с информантами; сведения об информантах даны каждый раз в сносках так же, как и во всех прочих случаях, когда приводятся фрагменты интервью (имя обозначено инициалом, далее указан пол (м./ж.), возраст, род занятий в сфере литературного кураторства и т. п., место пребывания). В данном случае: Г., ж., 60 лет, редактор, издатель, Иерусалим.

торского коллектива. Эта «трещина» появлялась в связи с позицией по отношению к войне: все вроде бы против, но все «по-разному против». Различия в позиции связаны в том числе с тем, что кто-то из кураторского коллектива эмигрировал из России, а кто-то остался. Те, кто остался, вынуждены считаться со всеми новыми репрессивными законами, а те, кто уехал, не хотят корректировать свои высказывания и кураторскую политику: «я сказала. . . не буду цензурировать. Мы оказались в таком тупике», «проще вообще ничего не делать» (Ю., ж., 42 года, издатель, редактор, Рига).

Закрытие литературного проекта, как правило, сопровождалось публичным объявлением (в группах проекта в соцсетях) о причинах его закрытия или «временной приостановки». Формулировка «временная приостановка» появлялась для того, чтобы подчеркнуть, что какая-то надежда на возобновление работы в будущем еще остается. При этом информанты отмечают, что встретили сочувственную реакцию читателей, публики на такое объявление, эта реакция содержала и сожаление, и понимание.

Нежелание принимать новые российские правила игры побудило иностранных участников кураторских коллективов выйти из них. Вместо закрытия или приостановки своего литературного проекта в период войны некоторые кураторы решили временно изменить его профиль – переключиться, например, с русского языка на другие: «Мы подготовили и выпустили номер переводов украинской поэзии, написанной на украинском, русском, немецком и английском языках» (Г., ж., 60 лет, редактор, издатель, Иерусалим).

В целом можно сказать, что закрытие или приостановка русскоязычных литературных проектов кураторами случалась на основе самоцензуры и эмоциональной невозможности что-либо делать в 2022 году, в том числе работать в тех коллективах, в которых они работали прежде. В случае наших информантов 2022 год стал периодом «онемения», потери смысла своей деятельности, переосмысления, после которого (иногда уже к концу 2022 года) возвратилась способность продолжать кураторскую деятельность: «Буквально несколько месяцев мы просто пытались понять вообще, как бы имеет ли смысл делать журнал, как делать и т. д. Хотелось что-то сделать» (А., м., 29 лет, редактор, организатор акций и литературных курсов, Москва).

«Я НЕ ДЛЯ ТОГО УЕХАЛА, ЧТОБЫ МОЛЧАТЬ. . .»⁶

Анализ мотивов возобновления или создания новых русскоязычных литературных проектов во время войны выявил, что главным мотивом для кураторов стал императив «не молчать». Вместе с тем проекты возобновились, потому что у кураторов были личные обязательства перед авторами – кому-то была обещана публикация в журнале, кому-то издание книги: «Авторы сказали – это все тяжело, ну, а как же наши книги? Вы же обещали» (Д., ж., 37 лет, организатор акций, издатель, Москва – Челябинск). И куратор выполняет обещания, как рассказывает информантка, даже несмотря на давление z-среды, которая угрожает доносами.

⁶ Ю., ж., 42 года, редактор, издатель, Рига.

Однако обязательства – это самое простое объяснение, которое выявило исследование. Есть целый ряд других, более сложных мотивов для возобновления кураторской деятельности: «Основной мотив – это все-таки некая консолидация, потому что переживать текущие условия лучше вместе» (А., м., 29 лет, редактор, организатор акций и литературных курсов, Москва). Возобновление кураторской деятельности рассматривается тут, как и ранее, в качестве создания пространства, без которого ни авторы, ни актуальная литература – поэзия, проза, драматургия – в целом жить не смогут. Куратор – это тот, кто работает для автора, «дает ему возможность делать свое дело, поскольку на письмо нужны еще и моральные силы» (К., ж., 31 год, организатор акций, издатель, Самара). Консолидация или солидарность, о которой говорят информанты, имеет и психологический смысл. Совместные акции – «большая поддержка психологическая. . . собраться, почитать друг другу, просто посмотреть друг на друга. Потому что мы живем в невыносимой совершенно обстановке. . . это поддерживает, создает силы сопротивляться» (А., ж., 53 года, редактор, Москва).

При этом кураторская деятельность трактуется как способ не становиться частью идеологического информационного шума, предлагать свои содержательные повестки, по большей части являющиеся фрондой по отношению к информационному и пропагандистскому мейнстриму. Одна информантка рассказала, как в тот момент, когда, как она полагала, ей оставалось находиться на свободе два дня, она организовала чтения (отметим, что от слов «фестиваль», «концерт» все опрошенные кураторы отказались) в заброшенных и руинированных зданиях Нижнего Новгорода, чтобы намекнуть на то, что остается от зданий после бомбежек.

Некоторые информанты отмечали, что тот политический смысл, который был изначально вложен в их проекты, например феминистский, сегодня востребован как фрейм борьбы (косвенной), принципиально антивоенная позиция, выступление против насилия: «мне кажется, феминистский дискурс по своей основе антивоенный. То есть тут такой вклад в борьбу. Ну, не прямой вклад, как вы понимаете» (А., ж., 53 года, редактор, Москва).

Возобновление кураторских проектов позволило литераторам стать более политически активными, например начать собирать во время литературных акций деньги «на благотворительность». Это публичное легальное обозначение, как рассказал один из информантов, означало для кураторов и участников акций сбор денег сначала в фонд «Второе дыхание», помогающий беженцам из Украины, затем в фонд «Зона солидарности», помогающий политзаключенным.

Некоторые литературные проекты, созданные в эмиграции, в которой оказались некоторые кураторы после начала войны, родились спонтанно, как бы из воздуха, без сильной концепции, на основе некоторых бытовых обстоятельств новой жизни: «Я просто ставлю камеру перед человеком, и все. У каждого есть максимум час» (А., м., 30 лет, организатор акций, Ереван). Информанты подчеркивают, что это был способ «создать отдушину. В первую очередь мы все поэты, и мы пытались придумать что-то. . . какие-то площадки» (С., ж., 29 лет, организатор акций, Ереван). Информанты подчеркивают, что сама атмосфера и проблемы эмиграции подтолкнули к созданию проекта. Потом появилась задача «задокументировать,

потому что потом такой возможности не будет» (А., м., 30 лет, организатор акций, Ереван). Жизнь в эмиграции (в Армении, Грузии, Казахстане, Турции, Латвии и проч.) придает тамошним русскоязычным проектам особую ноту, эмигранты не знали и не знают до сих пор, где будут жить через месяц. Поэтому они не захотели откладывать документирование друг друга, хотели оставаться на связи: «Чтение друг друга, наша дружба – это самое главное, что у нас есть, и мы нашли такой способ слушать друг друга» (С., ж., 29 лет, организатор акций, Ереван).

Иногда новые проекты воспринимаются как инкарнация старых, закрытых. При этом информанты понимают, что есть «другие проекты с огромной историей – и отказаться от них было бы, может быть, даже предательством» (Ю., ж., 42 года, редактор, издатель, Рига).

Поколенческий аспект в ответах прозвучал еще и как обязательство перед старшими продолжать некоторые наработанные практики: «важно не отдавать те крохи, что до нас старшие товарищи успели наработать» (К., ж., 31 год, организатор акций, издатель, Самара). Есть также и региональный аспект в ответах: кураторы из нестоличных городов полагают, что региональные авторы должны стать более заметными, особенно на фоне всеобщего политического контекста, который, по их словам, тенденциозно «впрямляет мышление» (К., ж., 31 год, организатор акций, издатель, Самара).

Сильно отличается ситуация куратора, работающего в независимой арт-институции. Информантка рассказала о случаях доносов в связи с готовящимися у них мероприятиями, поскольку она работает арт-директором в арт-кафе, она заранее ограничена в выборе тех авторов, с которыми можно организовать встречу. Можно сказать, что те литературные акции, которые она проводит в последнее время, связаны прежде всего не с ее личными мотивами, а с должностными обязанностями. Ресурс арт-организации помогает в реализации акции.

ЦЕЛИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОЕКТОВ

Анализ возможных и реальных целей кураторства русскоязычных литературных проектов в период войны выявил следующую типологию целей. Оговорим специально, что кроме того, что информанты рассказывали о целях своего собственного проекта, они также говорили о возможных и реальных целях русскоязычных литературных проектов в принципе, где бы они ни реализовывались – в России или за ее пределами.

«ГОВОРИТЬ О ВОЙНЕ – ЭТО САМОЕ ГЛАВНОЕ. . .»⁷

Прежде всего русскоязычные проекты во время войны должны о ней говорить, в какой бы локации эти проекты не находились. Должны «показывать чудовищность и дикость происходящего, насколько это возможно» (Д., ж., 37 лет, организатор акций, издатель, Москва – Челябинск). Локация накладывает отпечаток на то, как именно говорить о войне. В частности, по словам информантов, для рос-

⁷ Ю., ж., 42 года, редактор, издатель, Рига.

сийских проектов есть эзопов язык. Признание того обстоятельства, что в России сейчас нет проектов, которые бы не занимались самоцензурой, которые бы себя не редактировали, соседствует с мыслью, что все-таки у российских журналов, особенно таких старых, как, например, «Знамя», есть большой опыт использования эзопова языка.

ОРГАНИЗАЦИЯ СООБЩЕСТВА, СОЛИДАРНОСТЬ

Особую цель сформулировали уехавшие кураторы или литераторы, ставшие кураторами в эмиграции. Понимая разницу в условиях высказывания в России и за ее пределами, кураторы в эмиграции заявляют о необходимости новой сборки литературных сообществ: «Задача таких проектов, наверное, какая-то пересборка и какой-то способ для всех собраться и все переосмыслить, себя сохранить и другим помочь» (А., м., 30 лет, организатор акций, Ереван).

Другой информант формулирует близкую к предыдущей, но все же не тождественную ей цель – организация сообщества. Информант называет эту цель прикладной, имея в виду, что целью в данном случае является объединение совершенно конкретных людей для решения тех или иных рабочих, цеховых задач, например выпуска очередного журнального номера или проведения акции. Эта цель, как отмечает куратор, имеет особое значение на фоне закрытия множества литературных институций и возникновения определенного вакуума в этой сфере.

Информант говорит, что даже при невозможности прямого действия литературные проекты должны способствовать солидарности, выстраивать антипропагандистскую повестку. Информант называет эту цель глобальной. Эта глобальная цель осуществляется через мотивацию людей к творчеству, через совместное проживание происходящего – «давать силы и надежды его участникам» (А., м., 30 лет, организатор акций, Ереван).

Также в качестве близкой цели прозвучало желание давать слово угнетенным, в частности женщинам. Эту цель называют информанты, которые делают профеминистские проекты. При этом, как правило, они вписывают эту конкретную политическую цель в общую гуманистическую рамку.

В качестве отдельной цели была сформулирована задача проблематизировать место литературы, задавать вопросы о самой ее возможности в период войны.

Отчетливо у нескольких информантов прозвучал императив быть глобальными. Отметим, что те проекты, которые связаны с деятельностью онлайн-журналов, во время войны стремятся переехать на иностранные хостинги. Кроме политико-юридических причин для такого переезда информанты называют и другие: они говорят о глобальном характере современных литературных проектов, необходимости их адресации не только русскоязычной аудитории: «Не имеет смысла замыкаться в рамках национальной литературы» (А., ж., 53 года, редактор, Москва). Примером здесь может служить работающий в Израиле проект ROAR Линор Горалик. В соответствующем издании публикуются русскоязычные (и не только) авторы со всего мира. Велико и жанровое разнообразие: стихи, проза, эссе, драматургия, музыка, art. Номера ROAR переводятся на множество иностранных языков.

Один куратор рассказал, что в ближайшее время в его издательстве выйдет книга украинского поэта, и куратор думает, как после этого «все остались бы более или менее целы» (Р., м., 33 года, издатель, редактор, Москва).

Один информант подчеркнул, что нужно поддерживать связь российских литераторов с Западом и конкретными западными авторами, поэтому, например, издание книг современных американских поэтов в переводе на русский язык имеет особый смысл в условиях изоляции.

ЦЕЛИ НЕ МЕНЯЮТСЯ

Наконец, по-своему понимают цели русскоязычных литературных проектов кураторы журналов, выходящих уже не один десяток лет. Такие информанты полагают, что главные цели, например, журнальных проектов с годами, и во время войны в том числе, не меняются: они должны поддерживать «индивидуальное перед лицом общественного, свободное перед лицом массового, творческое перед лицом коммерческого и поэтическое перед лицом политического» (Г., ж., 60 лет, редактор, издатель, Иерусалим).

Анализ взглядов кураторов на нынешние острые дискуссионные проблемы, непосредственно связанные с осуществлением русскоязычных литературных проектов, предполагает в нашем исследовании необходимость получить ответы на несколько релевантных вопросов. В частности, это вопросы о (не)участии кураторов в российских государственных литературных проектах (фестивалях, книжных ярмарках, чтениях и т. п.); фильтрации (или ее отсутствию) кураторами участников литературных проектов в зависимости от позиции этих участников по поводу войны; ответственности русской литературы и русского языка за агрессию; необходимости для русскоязычных литературных проектов замолчать. В комплексе ответы на эти вопросы дадут представление о том, как смотрят кураторы актуальной русскоязычной литературы на острые, громкие проблемы своей деятельности в текущих условиях.

Ответ информантов на вопрос о сотрудничестве с государственными культурными институтами фактически однотипен. Кураторы говорят, что выступают против связи с государственным финансированием, крупными государственными культурными институциями. Государственное финансирование может влечь за собой, как отмечают опрошенные кураторы, навязывание определенного контента. При этом они допускают для себя локальное участие (например, чтение лекции) в региональных мероприятиях с госфинансированием. Однако в целом позиция описывается так: «если бы они сказали, что вот у нас есть государственное финансирование, давайте мы привезем и устроим какие-нибудь акции, Номадические чтения, Красные чтения или какие-нибудь другие литературные проекты или литературный фестиваль, то я бы, наверное, не стал» (А., м., 29 лет, редактор, организатор акций и литературных курсов, Москва).

Кураторы предпочитают сотрудничество с площадками (часто существующими только онлайн) с четкой антивоенной позицией. Некоторые виды деятельности (например, презентации своих новых книг) авторы осуществляют сами, однако кураторы отмечают: «если бы наш автор захотел включиться в фестиваль на Крас-

ной площади, мы бы посоветовали ему этого не делать» (Ю., ж., 42 года, редактор, издатель, Рига).

Одна информантка иронично заметила, что, поскольку за ней закрепилось амплуа феминистки, на государственные мероприятия в сфере литературы ее и так не приглашают, организаторы боятся доносов.

В целом есть осознание того, что независимая литература оказалась в «новом андеграунде» (А., ж., 53 года, редактор, Москва), который опять стал востребован в России.

Ответ на вопрос, фильтруют ли кураторы участников своих проектов в зависимости от политической позиции участников, положительный, причем кураторы делают это как минимум начиная с 2014 года. Поскольку кураторы свою позицию обозначают практически всегда публично, люди с противоположными взглядами на войну (z-литераторы) просто не приходят к ним в проекты. Иногда в продолжение обозначенной логики ответ звучал так: «нам не приходилось фильтровать участников нашего проекта, так как то, что наш проект может предложить участникам, привлекает именно тех, кому это необходимо. Оправдался такой подход и в нынешней экстремальной ситуации: никто из наших авторов не оказался в провонном лагере» (Г., ж., 60 лет, редактор, издатель, Иерусалим).

Ответы кураторов на вопрос об ответственности русской литературы и русского языка за агрессию можно назвать амбивалентными. С одной стороны, информанты соглашались, что идеологический концепт «великая русская культура» (куда входит и литература), руссоцентризм, консервативная лингвистика, язык пропаганды – все это несет ответственность за любую агрессию – от бытовой до политической. Но есть и другой русский язык – того же Льва Толстого, антимилитариста и анархиста; есть разнообразный язык личного сопротивления. Горалик в выступлении в Тартуском университете, представляя ROAR, сказала: «Мне кажется, что у культуры есть три функции в такое время. . . шанс пережить непереживаемое, дает язык. . . говорить о непроизносимом и возможность того, что ROAR дает мне – возможность индивидуального, личного сопротивления»⁸.

Информанты ответили, что в тот период развития общества и культуры, для которого был характерен литературоцентризм, на литературе лежала гораздо большая ответственность (и она лежит на великих поэтах и писателях, от Пушкина до Бродского), но когда литературоцентризм рухнул, все изменилось. Одна информантка сказала, что Гете не отвечает за национал-социалистов. Кроме того, информанты в этом вопросе разделились по степени своей политизированности: те, кто считает себя политизированным, склоняются к идее ответственности русской литературы и русского языка, потому что русский язык никогда не существовал в вакууме. Те, кто считает себя давно живущими во внутренней эмиграции, «в России как вне России» (А., м., 30 лет, организатор акций, Ереван), признались, что такой вопрос никогда перед ними не стоял, и они затрудняются с ответом.

Анализ реакций информантов на требования для русскоязычных литературных проектов замолчать выявил консенсусную скептическую позицию кураторов

⁸ Фанайлова, «Вавилон Москва».

в отношении данной идеи, высказываемой некоторыми украинскими активистами. Правда, общее скептическое отношение к этому тезису имеет ограничения и уточнения. «Я не верю, что зашивание ртов кому бы то ни было может быть правильным», – говорит одна из информанток. И добавляет при этом: «если речь идет о фестивалях, конференциях, стипендиях и прочих благах, то тут, безусловно, должны действовать “законы военного времени”, и представители страны-агрессора не могут ожидать к себе внимания и общественных симпатий» (Г., ж., 60 лет, редактор, издатель, Иерусалим). Все информанты понимают, почему такое требование возникло, и говорят о невозможности спорить с теми, кто его с украинской стороны транслирует: «мы не можем отвечать, у нас связаны руки» (А., ж., 53 года, редактор, Москва). Одна информантка сообщила, что на самом деле в Украине есть много позиций по этому поводу. «Отмена» конкретных кураторов, презентующих русскоязычные литературные проекты, – «тут ничего не поделаешь, это наша коллективная ответственность, нужно это принимать» (Ю., ж., 42 года, редактор, издатель, Рига). Однако целый ряд украинских авторов, как отмечает та же информантка, хочет сотрудничать с русскоязычными литературными проектами. Так, например, в ROAR был опубликован украинский поэт Влад Петренко, который специально для публикации перевел свою поэму на русский язык. Принятие коллективной ответственности, с одной стороны, и продолжение своих литературных проектов, с другой, – такова позиция кураторов. Мы видим реализацию этой точки зрения и в эстонском кейсе с Горалик, не вступившей в публичные споры вокруг отмены презентации и отказавшейся от комментариев. Между тем презентация проекта ROAR все-таки состоялась в Тартуском университете, в аудитории филологического факультета при большом скоплении публики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что для кураторов русскоязычных литературных проектов вне зависимости от их (кураторов) локации 2022 год был годом шока, периодом немоты, эмоциональной невозможности заниматься литературой, потери смысла этой работы, после чего (к концу 2022 года) вернулось желание что-то делать: продолжать старые проекты или организовывать новые. Некоторые российские проекты (например, журналы) закрылись или были приостановлены из-за введенных в стране новых репрессивных законов, эмиграции кураторов и возникновения политических разногласий в кураторских коллективах, их распада. Как правило, закрытие проектов сопровождалось публичным (в интернете) объяснением причин этого шага перед читательской аудиторией. При этом некоторые новые проекты (например, поэтические серии), реализуемые теперь за пределами России или в цифровом формате, стали осознаться как инкарнация старых, закрытых. Кураторами, вновь ставшими организаторами литературного процесса, двигало сразу несколько мотивов: «не молчать» (главный мотив); выполнение имеющихся обязательств перед авторами или – если это молодые кураторы – перед старшим поколением коллег; консолидация для того, чтобы пережить все происходящее вместе. Психологическая поддержка литераторами друг друга в таких

проектах соседствует с профессиональной кураторской задачей создавать авторам пространство для реализации. Этот мотив характерен и для столичных городов, и для региональных, где он звучит гораздо острее. Новые или возобновленные проекты становятся более политизированными, кураторы организуют сборы денег для беженцев и политзаключенных, некоторые хотят реализовать заложенный в проектах изначальный антивоенный смысл. Отдельные кураторы используют институциональный ресурс (например, должность арт-директора в арт-кафе) для проведения литературных акций. При этом они гораздо более ограничены в своих действиях, чем кураторы, работающие самостоятельно или создающие свои команды.

Некоторые зарубежные русскоязычные литературные проекты переключились с русского языка на другие. Особо отметим проекты, возникшие в эмиграции: кураторами двигали необходимость психологической и профессиональной помощи друг другу (чтобы не растерять литературные навыки), а также желание задокументировать новую стихийно складывающуюся, ничего не знающую о своем будущем эмигрантскую литературную среду.

В целом кураторы назвали следующие возможные и реальные цели русскоязычных литературных проектов во время войны. Во-первых, говорить о войне, в какой бы локации эти проекты не осуществлялись, в том числе на эзоповом языке в России. Далее – пересобирать литературные сообщества – и в эмиграции, и в России. Решая различные цеховые и этические задачи, давать слово угнетенным, способствовать солидарности и выстраивать антипропагандистскую повестку, заново проблематизировать место литературы в создавшихся условиях, быть глобальными, не замыкаться в рамках национальной литературы. Кураторы русскоязычных зарубежных журналов, выходящих уже не один десяток лет, полагают, что должны сохранять свои изначальные цели.

Поскольку многие литературные проекты возникли или были пролонгированы за пределами своей изначальной среды, произошли некоторые изменения в тех конвенциях, которые были им свойственны. В частности, возникли поэтические онлайн-серии без бумажного оригинала. Печать бумажного экземпляра книги теперь стала возлагаться на автора при его желании иметь таковой. Онлайн-книги уже давно издаются в дополнение к бумажным, однако реалии эмиграции и возросшей трансграничности русскоязычного сообщества создали новые формы книжных публикаций в области серьезной литературы. В случае проектов, которые оказались в оппозиции, отказ от печатных версий можно интерпретировать как отрыв от привычных институций (нарушились устоявшиеся цепочки издательского процесса), появление новых представлений о безопасности. Кроме того, потенциальные читатели этих книг сегодня могут находиться в разных странах.

Изменение конвенций коснулось вопроса о месте литературы в жизни и о соответствующем этому месту типе литературного высказывания с присущими ему конвенциями в отношении «эстетической автономии». Война сделала вторичной серьезную литературу по сравнению с живыми свидетельствами. Даже документальная поэзия, столь популярная сегодня в сфере неподцензурной литературы, «проигрывает» реальному документу. Не говоря уже о том, что само заикливание

на эстетическом в литературе становится нерелевантным на фоне ежедневной трагедии. Поэтому вопросы места и роли литературы, литературности в период войны выдвинулись на передний план, стали сквозными темами и новых кураторских акций, и авторских художественных решений их участников.

Анализ позиции кураторов в отношении дискуссионных проблем, связанных с русской литературой, выявил следующий спектр мнений. Кураторы выступают против связи своих проектов с государственным финансированием, вообще с государственными культурными институциями и предпочитают сотрудничество с площадками (часто существующими только онлайн) с четкой антивоенной позицией. Они полагают, что литература опять оказалась в России в ситуации «нового андеграунда», ситуации, в которой жила русская неподцензурная литература. Большинство информантов при этом заявили, что фильтруют участников своих проектов в зависимости от их (участников) политической позиции, некоторые кураторы сообщили, что делают это как минимум начиная с 2014 года. Правда, все кураторы понимают, что люди с противоположными взглядами на войну и сами не станут участвовать в их проектах. Кураторы также полагают, что, хотя идеологический концепт «великая русская культура» (и литература в том числе) исторически ответственен за агрессивную имперскую внешнюю политику России, все же есть и другой русский язык, язык индивидуального сопротивления, который тоже осваивает литература. Отвечая на вопрос по этой теме, информанты разделились по степени своей политизированности: политизированные склоняются к идее ответственности русской литературы и русского языка (особенно в прошедшую эпоху литературоцентризма), а неполитизированные затрудняются с ответом. Наконец, на требование замолчать, иногда раздающееся с украинской стороны в адрес русскоязычных литературных проектов, кураторы высказывают скепсис, при этом понимая, почему это требование возникло и не вступая в публичные споры по поводу него. Кураторы предпочитают разделять коллективную ответственность и продолжать делать свое дело.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баскар, Майкл. 2017. *Принцип кураторства. Роль выбора в эпоху переизбытка*. М.: Ad Marginem Press.
- Вежлян, Евгения. 2020. «Искренность, аффект, эмпатия, поэтичность: поэтические сообщества в контексте публичности». *Russian Literature* 118:45–77. <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2020.11.003>.
- Гройс, Борис. 2012. *Политика поэтики*. М.: Ad Marginem Press.
- Дубин, Борис и Лев Гудков. 2020. *Литература как социальный институт: Статьи по социологии литературы*. М.: Новое литературное обозрение.
- Кузьмин, Дмитрий. 2009. «Интервью сайту Lookatme». <http://vavilon.ru/dk/interview-lookatme.html>.
- Кукулин, Илья. 2019. *Прорыв к невозможной связи. Статьи о русской поэзии*. Екатеринбург, М.: Кабинетный ученый.
- Мизиано, Виктор. 2021. *Пять лекций о кураторстве*. М.: Музей современного искусства «Гараж».
- «Что такое актуальная поэзия? [опрос]». 2019. *Контекст* 2:110–130.
- Эткинд, Александр. [2014] 2023. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*. М.: Новое литературное обозрение.

- Basinski, Michael, Marie Elia, Nancy Kuhl, James Maynard, and Edric Mesmer. 2014. "Acts of Curation: The Curating of Poetry & the Poetics of Curating." *The Reading Room* 1(1). <https://readingroom.lib.buffalo.edu/PDF/vol1-issue1/Acts-of-Curation.pdf>.
- Becker, Howard S. [1974] 2004. "Art as Collective Action." Pp. 85–95 in *The Sociology of Art: A Reader*, edited by Jeremy Tanner. London: Routledge.
- Becker, Howard S. 1982. *Art Worlds*. Berkeley: University of California Press.
- Caballero, Ana Maria. 2022. "Poetry and the New Meaning of Curation." Right Click Save, August 11. <https://www.rightclicksave.com/article/poetry-and-the-new-meaning-of-curation>.
- O'Neill, Paul. 2012. *The Culture of Curating and the Curating of Cultures*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Roberts, John. 2009/2010. "The Curator as Producer: Aesthetic Reason, Nonaesthetic Reason, and Infinite Ideation." *Manifesta Journal: Journal of Contemporary Curatorship* 10:51–57.
- Rubantseva, Elizaveta V., and Loup Hoffmann. 2020. "The Curator in the Art World and in the Museum: History, Theories and Current Issues." *The Issues of Museology* 11(2):168–182. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2020.203>.

CURATING RUSSIAN-LANGUAGE LITERARY PROJECTS IN WAR TIME

Vitaly Lekhtsier

Vitaly Lekhtsier, Department of Sociology, S. P. Korolev Samara National Research University, Russia. lekhtsiervitaly@mail.ru.

The essay considers the curators of Russian-language literary projects (editors, organizers of actions, publishers of contemporary literature, creators of literary study courses) implemented in war time. The text is based on an empirical qualitative study of the viewpoints and motivations of literary curators based both in Russia and abroad. Among the latter are literary curators who have lived abroad for a long time or who have emigrated from Russia in the last year and a half. The essay explores the reasons why curators closed or suspended their literary projects in Russia and their motives for creating new projects or continuing old ones. It reveals the literary curators' point of view on the possible and real goals of Russian-language literary projects during the war. The study draws attention to the specificity of curatorial positions and actions depending on the location of the project (in Russia, abroad, in metropolitan or regional Russian cities), as well as the age of the curator. In addition, the study reveals the spectrum of literary curators' opinions on "high-profile," debatable issues related to the fate of Russian-language literary projects during the war: their attitude to cooperation with state cultural institutions, the practice of filtering project participants depending on the political position of the participants, their attitude to the thesis about the responsibility of Russian language and literature for military aggression, and their attitude to the demand for Russian-language literary projects to "shut up." In general, the study showed that curators interpret the current situation of Russian contemporary literature as a "new underground" and see their task in psychological and professional assistance to the author, politicization of projects, and documentation of a new literary emigrant environment.

Keywords: Curator of Literature; Literary Projects; Sociology of Literature; Goals of Literary Curating; Literary Community

REFERENCES

- Basinski, Michael, Marie Elia, Nancy Kuhl, James Maynard, and Edric Mesmer. 2014. "Acts of Curation: The Curating of Poetry & the Poetics of Curating." *The Reading Room* 1(1). <https://readingroom.lib.buffalo.edu/PDF/vol1-issue1/Acts-of-Curation.pdf>.
- Becker, Howard S. [1974] 2004. "Art as Collective Action." Pp. 85–95 in *The Sociology of Art: A Reader*, edited by Jeremy Tanner. London: Routledge.
- Becker, Howard S. 1982. *Art Worlds*. Berkeley: University of California Press.
- Bhaskar, Michael. 2017. *Printsip kuratorstva: Rol' vybora v epokhu pereizbytki*. Moscow: Ad Marginem Press.
- Caballero, Ana Maria. 2022. "Poetry and the New Meaning of Curation." Right Click Save, August 11. <https://www.rightclicksave.com/article/poetry-and-the-new-meaning-of-curation>.
- "Chto takoe aktual'naia poeziia? [opros]." 2019. *Kontekst* 2:110–130.
- Dubin, Boris, and Lev Gudkov. 2020. *Literatura kak sotsial'nyi institut: Stat'i po sotsiologii literatury*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Etkind, Alexander. [2014] 2023. *Vnutrenniaia kolonizatsiia: Imperskii opyt Rossii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Groys, Boris. 2012. *Politika poetiki*. Moscow: Ad Marginem Press.
- Kukul'in, Ilya. 2019. *Proryv k nevozmozhnoi sviazi: Stat'i o russkoi poezii*. Yekaterinburg, Russia; Moscow: Kabinetnyi uchenyi.
- Kuz'min, Dmitrii. 2009. "Interv'iu сайту Lookatme." <http://vavilon.ru/dk/interview-lookatme.html>.
- Misiano, Viktor. 2021. *Piat' leksii o kuratorstve*. Moscow: Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh."
- O'Neill, Paul. 2012. *The Culture of Curating and the Curating of Cultures*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Roberts, John. 2009/2010. "The Curator as Producer: Aesthetic Reason, Nonaesthetic Reason, and Infinite Ideation." *Manifesta Journal: Journal of Contemporary Curatorship* 10:51–57.
- Rubantseva, Elizaveta V., and Loup Hoffmann. 2020. "The Curator in the Art World and in the Museum: History, Theories and Current Issues." *The Issues of Museology* 11(2):168–182. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2020.203>.
- Vezhlian, Evgeniia. 2020. "Iskrennost', affekt, empatiia, poetichnost': Poeticheskie soobshchestva v kontekste publichnosti." *Russian Literature* 118:45–77. <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2020.11.003>.